

М. Абелес

ОБ АНТРОПОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ

Что можно сказать об антропологии во Франции? Как она воспринимается обществом, какое влияние на него оказывает? Откуда мы пришли? Куда мы идем? Чтобы ответить на эти вопросы, потребовалось бы написать целую книгу. Моя задача более скромна: я хотел бы осветить некоторые моменты недавней истории этой научной дисциплины – истории, которая, как мы увидим, неотделима от общего социально-политического контекста и от того места, которое занимает сегодня антропология во французском интеллектуальном ландшафте.

Начну с того, что антропология с самого момента ее зарождения была тесно связана с развитием естественных наук, ориентированных на наблюдение и собирание коллекций. Уже в XVI в. Монтень ссылается на записки путешественников и на содержащиеся в них свидетельства разнообразия обычаев и традиций народов дальних стран. Пришло время зарождения интереса к “дикарям”, к экзотическим странностям, характеризующим общества, географически удаленные от нашего. Это любопытство еще более возрастает в эпоху Просвещения, когда философская мысль пытается извлечь из наблюдения за далекими народами уроки для нашей собственной цивилизации. Так, Монтескье в “Персидских письмах” воображает себе персов во Франции, на которую он смотрит их удивленными глазами – результатом стала своего рода “обратная” этнология французского общества. В соответствии с идеями Просвещения, этнографический подход должен позволить одновременно выявить все многообразие культур и то общечеловеческое, что кроется за этим многообразием. Великая французская революция упрощает эту задачу: новые правители страны осознают культурное многообразие французского общества, но имеют намерение его унифицировать, в частности, посредством использования единственного языка – французского. Правительство инициирует изучение местных культурных особенностей и диалектов, но с единственной целью – обеспечить успех этой унификации, гомогенизации, во имя универсальных ценностей и прав человека. Отнюдь не случайно в 1800 г. создается Общество наблюдателей за человеком (*Société des Observateurs de l'Homme*), впервые заявившее об антропологии как о науке.

В течение всего XIX в. продолжают путешествовать и экспедиции, но лишь с первой половиной этого столетия можно говорить о возникновении социальной и культурной антропологии в современном понимании этого термина. До этого времени доминирующим остается жанр “путешествия”, цель которого – сбор сведений для удовлетворения любопытства современников, жаждущих экзотики. По сути, современная антропология во Франции начинается с Марселя Мосса. Появление этой дисциплины под именем этнологии отмечено созданием Института этнологии, располагавшегося в Музее человека. Напомню, что Мосс был племянником великого социолога Эмиля Дюркгейма. Именно последний и его ученики вывели социологию на первый план среди академических дисциплин. Социологические труды появляются во множестве во Франции, и постепенно все университеты начинают готовить социологов.

В отличие от Дюркгейма, Мосс не имел таких амбиций. Он сам не занимался полевыми исследованиями, но был потрясающим эрудитом: он прочел все, что в мире было написано об антропологии. Это его ученики отправятся в поле – в Америку, Азию, Африку. В 1935 г. Марсель Гриоль возглавит первый великий этнографичес-

кий проект: экспедицию Дакар – Джибути. Он же впоследствии станет специалистом по этнологии догонов Мали. Помимо наблюдений на местах экспедиции занимались также сбором экспонатов для коллекций Музея человека. Экспедиция Дакар – Джибути оказала огромное воздействие не только на сообщество этнологов: образованные французы открыли для себя этнологию благодаря выставке предметов и фотографий. Однако и на этот раз речь шла об интригующей экзотике. Этнология по-прежнему была неотделима от любопытства и эстетики. Современные художники с интересом знакомились с африканским искусством. Андре Бретон создал коллекцию “примитива”. Позже, в годы Второй мировой войны, в Нью-Йорке он вместе со своим товарищем по изгнанию – антропологом Клодом Леви-Строссом – будет обследовать лавки “примитивного искусства”.

Развитие антропологии во Франции неотделимо от этого эстетического измерения. Правда, после войны этнологию начинают преподавать в ряде университетов. М. Гриоль возглавил кафедру в Сорбонне. Ученики М. Мосса читали курсы в нескольких провинциальных университетах. Но большинство этнологов работали в Национальном центре научных исследований (CNRS) и в Офисе научных исследований Заморских территорий (ORSTOM). Высшая школа социальных исследований (EHESS), необычное учебное заведение, ставящее во главу угла исследовательскую деятельность, приглашает К. Леви-Стросса, Л. Дюмона, Ж. Сустеля, Ж. Кондомина, Ж. Баландые вести семинары для аспирантов. В 1960 г. К. Леви-Стросс создает в Коллеж де Франс лабораторию социальной антропологии. Следуя англо-саксонской традиции, он переименовывает этнологию, как эта дисциплина называлась во Франции, в *антропологию*. В противовес Институту этнологии, где ведущие позиции занимают ученики М. Гриоля и выдающийся антрополог и исследователь первобытности Андре Леруа-Гуран, вокруг К. Леви-Стросса формируется новая этнология. Одновременно с созданием лаборатории социальной антропологии начинает издаваться журнал “L'Homme” (“Человек”), который и сегодня остается главным антропологическим журналом во Франции.

Тем не менее, в отличие от социологии, которая к тому времени существенно усилила свое влияние в университетах, этнология, с академической точки зрения, по-прежнему остается дисциплиной маргинальной. Что не мешает ей быть начиная с конца 1950-х годов достаточно заметной в общественной жизни. В значительной мере это связано с ее эстетической составляющей, с развитием Музея человека и созданием Музея народного искусства и традиций, экспозиции которого представляют многообразие обычаев Франции и при котором организуется исследовательский Центр французской этнологии, аналог Института этнологии, однако занимающийся исключительно отечественными сюжетами.

Французов знакомят с богатством и красотой множества существующих на планете цивилизаций. Им демонстрируют величие колониальной империи, созданной в конце XIX в. Кроме того, популяризации этнологии служат книги. Опубликованные в 1955 г. “Печальные тропики” (*Levi-Strauss* 1955) имели огромный успех. Книга была признана литературным шедевром. К этой же категории трудов относится “Призрачная Африка” Мишеля Лейриса (*Leiris* 1934). “Печальные тропики” увидели свет в серии “Terre Humaine”, которая под руководством Жана Малори, специалиста по инуитам, много сделала для популяризации этнологии. “Противоречивая Африка” Ж. Баландые (*Balandier* 1962), работы П. Кластра и Ж. Сустеля, “Мы съели лес” Ж. Кондомина (*Condominas* 1974), написанные столь же блестящим языком и иллюстрированные фотографиями, дали возможность читающей публике зрительно представить себе далекие этнические группы. Это были книги, заставляющие мечтать, а антрополог предстал скорее в качестве путешественника и писателя, нежели профессора. Этим и объясняются относительная маргинальность дисциплины в академических кругах и ее успех в обществе.

Начиная с 1960-х годов развитие французской этнологии неотделимо от процесса деколонизации. До сих пор антропологи работали в полном согласии с колониальной администрацией и не особенно критиковали ее. Труды Ж. Баландьё “Современная социология черной Африки” и “Противоречивая Африка” (Balandier 1962, 1963) знаменуют новое направление дисциплины. Отныне признается историзм этих обществ, которые доселе рассматривались как замкнутые в своей традиционности и исключенные из всемирного социально-политического контекста. Ж. Баландьё вводит в научный оборот дисциплины категории конфликта, доминирования, эксплуатации. Он проповедует активную политическую позицию этнолога, и сотрудники возглавляемого им Центра африканских исследований берутся за изучение противоречий в постколониальных обществах.

Начиная с 1960-х годов антропология занимает особое место во Франции. и на то есть две причины: с одной стороны, структурализм К. Леви-Стросса выглядит многообещающим направлением для всего комплекса гуманитарных наук; наблюдается настоящее сотрудничество исследователей – лингвистов, семиотиков, психоаналитиков и структурных антропологов. Идея о том, что можно общими усилиями создать науку о человеке, располагающую столь же строгой методологией и мощными средствами формализации, что и точные науки, вызывает всеобщий энтузиазм. С другой стороны, общество с увлечением наблюдает за дебатами, которые ведут с К. Леви-Строссом и его последователями те, кто обвиняет их в пренебрежении историческим измерением: множество публикаций и конференций на тему “структура и история” свидетельствуют об остроте этих дебатов.

1970-е годы отмечены борьбой между марксизмом и структурализмом. Эта борьба неотделима от постколониального политического контекста и событий 1968 г., сопровождавшихся осознанием изъянов капитализма. В этот период огромное внимание привлекают труды, разоблачающие этноцид. “Белый мир” Робера Жолена (Jaulin 1972) вызывает бурную полемику. Некоторые антропологи, как, например, Морис Годелье, пытаются соединить марксизм с достижениями структурализма. И здесь опять трудно рассматривать эволюцию антропологических взглядов вне исторического и политического контекста: между “левыми” и “правыми” во Франции идут ожесточенные баталии, и интеллектуалы в них активно участвуют. Усиление критического начала в антропологии в определенной мере отражает соотношение сил в обществе. Как ни странно, но с того момента, когда левые получают, наконец, в начале 1980-х годов доступ к власти, наблюдается постепенный отход антропологии от марксизма. Расшатывание политических режимов в Восточной Европе, разоблачение ГУЛАГа (Главное управление лагерей), определенное разочарование в социализме вносят свой вклад в снижение популярности марксизма среди интеллектуалов. Падение Берлинской стены стало одним из важных этапов этого процесса.

Если попытаться нарисовать общую картину французской этнологии в период между 1960 г. и 1990 г., можно выделить два основных направления. Первое вписывается в рамки структуралистского подхода. Целое поколение молодых антропологов сосредоточивает свои усилия на исследовании тем, предложенных К. Леви-Строссом: изучение систем родства, анализ мифов и ритуалов находятся в центре научного интереса в 1960-е – 1970-е годы. Журнал “L'Homme” ясно отражает важность этих проблем для всей дисциплины. Параллельно развиваются исследования в сфере политической антропологии, родоначальником которых стал Ж. Баландьё. Они сфокусированы на изучении традиционных форм политической организации, но также и на проблемах постколониальных противоречий и трансформаций.

Другое исследовательское направление формируется вокруг Луи Дюмона. В его русле вырабатывается сравнительный подход, ориентированный на оппозицию между индивидуализмом и холизмом. Сообщество антропологов оказывается разделенным между этими направлениями. Важную роль играет также географическая

специализация исследователей, возникают особые связи между “африканистами”, “американистами”, “океанистами” и пр. Каждая группа создает собственные научные общества, издает специализированные журналы (“Journal des Africanistes”, “Journal des Americanistes”, “Journal des Oceanistes” и пр.).

В то же время упрочивается место антропологии в академической среде: в конце 1960-х годов создается лаборатория этнологии и сравнительной социологии в Университете Париж-Х (Нантер), начинается преподавание этнологии в университетах Париж-V, Париж-VII, Париж-VIII, Париж-Х. В провинции – от Бретани до Эльзаса и от Прованса до Нор-Па-де-Кале – также ведущие университеты открывают специализацию по этнологии. Сегодня во Франции насчитывается 390 антропологов: 117 преподают в университетах, но большинство (273 человека) работают в Национальном центре научных исследований. Антропология остается преимущественно исследовательской специальностью, и это объясняет ее относительно слабое влияние на академическую сферу. Мало кто из антропологов занимал или занимает университетские посты, выходящие за рамки дисциплины: Морис Годелье возглавлял департамент гуманитарных наук в Национальном центре научных исследований, Марк Оже был президентом Высшей школы социальных исследований, но в целом антропологи не стремятся расширить зону своего влияния. Они предпочитают полевые исследования и чаще всего, будучи специалистами по тому или иному региону, обсуждают результаты своей работы в рамках специально организуемых семинаров.

Современный период характеризуется двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, налицо стремление к некоторой замкнутости антропологии внутри себя, как если бы антропологи опасались, что рано или поздно их дисциплина растворится в безбрежном океане общественных наук. В противовес этой тенденции наблюдаются попытки переосмысления дисциплины, интерес к новой проблематике, к междисциплинарным исследованиям. Эпоха больших надежд, связанных с грандиозным структуралистским проектом, завершилась, и сегодня мы с большей осторожностью относимся к авторитету великих теорий. Пришедшее осознание глубокого изменения объекта антропологии породило ее кризис, но одновременно стало источником обновления. В постколониальную эпоху под влиянием процесса глобализации увлечение экзотизмом и инаковостью неизбежно должно было уступить место констатации того факта, что с архаизмом и примитивизмом покончено.

Эта констатация оказала чрезвычайно существенное влияние как на методы полевой работы, так и на содержание исследований и распространение их результатов. Беспрецедентные изменения, которые претерпела антропология на протяжении последних 15 лет, вызвали беспокойство среди поборников классических антропологических подходов. Именно они породили отмеченную выше тенденцию к замыканию антропологии внутри себя. Однако кризис создал также условия для более динамичного развития дисциплины.

Прежде всего можно констатировать смещение этнографического интереса к исследованию близких культур и современности. До сих пор этнология Франции хотя и существовала, но воспроизводила подходы и методы исследований отдаленных обществ. Она фокусировала свое внимание на наиболее архаических аспектах французского общества: сельской жизни, фольклоре, традициях. Появившиеся в 1980-е годы исследования городов и пригородов, миграционной ситуации, этничности, спортивных событий, современных политических организаций произвели настоящий переворот в дисциплине.

Кроме того, обеспечив себя новыми объектами изучения, антропологии предстояло ответить на эпистемологический вопрос: как трактовать модернизм и постмодернизм? А отсюда следовало: какие концепции пригодны для этого, к кому обращены наши исследования? Так появились новые темы для споров и дебатов. Нужно ли придерживаться традиционных понятий и методов? Необходим ли диалог со смежными науками, чтобы переосмыслить условия производства антропологического знания?

Очевидно, что в истории антропологии началась новая эпоха. Обнаружилось, с одной стороны, что далекий “другой”, попав в сети глобализации, стал близким – и, напротив, что близкий может отныне находиться в центре внимания антропологии. Мой собственный пример может свидетельствовать об этой эволюции: во время моей первой экспедиции в Эфиопию в 1974–1975 гг. рекомендованным жанром исследования было монографическое описание изучаемой группы. К тому же большинство таких монографий были очень похожи друг на друга: изучались “системы” родства, “политическая система” и пр. Сегодня, чтобы стать антропологом, нет нужды отправляться к антиподам; исследователь может также перемещаться с места на место. Некоторые африканисты работают сегодня над такими проблемами, как организация гуманитарной помощи, взаимоотношения различных групп и неправительственных организаций; другие интересуются положением беженцев, третьи – проблемой насилия и конфликтов. Если говорить обо мне, то я занимаюсь исследованием французской и европейской политики: участвуя в первом исследовании, посвященном проблемам местной политики, я ясно осознал необходимость учитывать взаимосвязи между локальными и общемировыми тенденциями. Это осознание вылилось в интерес к культурным и политическим процессам, на базе которых формируется новая Европа. Все эти изменения уровней, на которых ведутся антропологические исследования, порождают целый комплекс эпистемологических и методологических проблем. Преподавание антропологии во Франции строится сегодня с учетом данного обстоятельства.

В институциональном плане больших изменений не произошло: наряду с уже существовавшими в Национальном центре научных исследований и в университетах центрами было создано несколько новых, таких как CAMC, SHADYC, LANIC, LAIOS¹. Необходимо отметить, кроме того, что за пределами ограниченного круга антропологов существует настоящий общественный интерес к новым подходам в нашей науке. Журналисты пишут об исследованиях в области урбанистики, спорта и политики. Эти исследования привлекают внимание своим оригинальным взглядом на проблемы повседневности. Фигура антрополога по-прежнему в определенной мере интригует общественное мнение. Стоит М. Оже назвать свою книгу “Этнолог в метро” или мне опубликовать “Этнолога в Ассамблее” – интерес журналистов обещен. Идея о том, что антрополог становится энтомологом своего собственного общества, выглядит соблазнительной. Этим отчасти объясняется общественный интерес к подобным работам. От антрополога ожидают также некоторой литературной одаренности. В идеале он должен уметь рассказать о своем путешествии вокруг собственного дома, превратив его в “достопримечательность”. В некотором смысле можно утверждать, что образ антрополога не претерпел во Франции существенных изменений с эпохи пионеров этой дисциплины. В то время как мы заняты куда более сложными проблемами, которые находят отражение в специальной литературе, публика по-прежнему видит в нас немного чудаковатых искателей приключений, обладающих талантом видеть свежим взглядом обыденный мир.

Эта привязанность общественного мнения к образу антрополога, восходящему к эпохе, когда экзотика и ориентализм вписывались в русло доминирующей идеологии, не должен заслонять собой тот факт, что дисциплина наша переживает глубокую трансформацию. Конечно, территориально-географический подход, забота о сохранении ведущей роли этнографических методов, недоверие к теоретизированию еще широко распространены: они свидетельствуют о стремлении к консервации status quo, во имя защиты самой дисциплины. В этом же ряду идей – общественные ожидания относительно вклада антропологии в создание всемирного наследия. Так, президент Ж. Ширак инициировал создание Музея первобытного искусства, который должен заменить собой Музей человека, представляя публике во всем богатстве накопленные в течение ряда десятилетий коллекции. Антропологи должны стать в этом проекте педагогами, преподающими культурное многообразие. Их за-

дача – способствовать развитию у французов любознательности и терпимости по отношению к “другому”. С созданием Музея первобытного искусства возобновляется традиция, определяющая место антропологии на стыке культурного, эстетического измерений и идей Просвещения.

В ответ на это относительно статичное и консервативное представление зарождаются два новых направления антропологических изысканий. Первое некоторым образом продолжает леви-строссовскую традицию изучения человеческого духа: это когнитивная антропология, изучающая способы производства и трансляции культурных представлений. Работы Д. Спербера по эпистемологии представлений, Паскаля Буайе по религии отмечены желанием создать истинную науку о Человеке, что предполагает не только сближение антропологии и когнитивной психологии, но и, в конечном итоге, возвращение “гуманитарных” наук в лоно наук “естественных”. Это направление имеет отклик среди нового поколения антропологов, несмотря на определенный скептицизм, связанный с его позитивистской направленностью.

Другое направление, вызывающее большой интерес у молодого поколения антропологов, неотделимо от осознанной необходимости изучать острые проблемы современности. Отсюда множась исследования влияния глобализации, экологических аспектов жизни общества, проблем идентичности, насилия и постколониализма, новых структур власти, возникающих на постнациональном уровне. Этот список можно было бы продолжить: достаточно предположить, что новые поля деятельности немедленно влекут за собой размышления по поводу места антрополога в обществе, противоречия между его гражданской позицией и необходимостью сохранять дистанцию в отношении тех процессов, которые он изучает. Эти дебаты эпистемологического свойства требуют также открытости к другим дисциплинарным подходам, а также поиска международного диалога с западными и не только западными антропологами, которые имеют дело с теми же объектами и задаются теми же вопросами.

Как мы видим, антропология во Франции за время своего существования пережила серьезную эволюцию. Тем не менее, она по-прежнему занимает несколько маргинальное положение в академическом мире. Однако, благодаря тому, что антропологи имеют возможность большую часть своей энергии тратить собственно на исследование, это небольшое в численном отношении сообщество производит внушительное количество высококачественных научных трудов. К тому же существующий в обществе образ антрополога, пусть даже он все меньше и меньше соотносится с его реальной работой, по-прежнему обеспечивает широкое распространение результатов этих трудов. Сегодня антропология находится на перепутье, но можно предвидеть, что существующая динамика позволит ей уверенно развивать новые направления.

Примечание

¹ CAMC (Centre d'anthropologie des mondes contemporains) – Центр антропологии современных обществ; SHADYC (Sociologie, histoire, anthropologie des dynamiques culturelles) – исследовательская группа “Социология, история, антропология культурной динамики”; LANIC (Laboratoire d'anthropologie et d'histoire de l'institution de la culture) – лаборатория антропологии и истории учреждений культуры; LAIOS (Laboratoire d'Anthropologie des Institutions et des Organisations Sociales) – лаборатория антропологии общественных институтов и организаций (*примеч. пер.*).

Литература

- Balandier 1962* – Balandier G. Afrique ambiguë. P., 1962.
Balandier 1963 – Balandier G. Sociologie actuelle de l'Afrique noire. P., 1963.
Condominas 1974 – Condominas G. Nous avons mangé la forêt. P., 1974.
Jaulin 1972 – Jaulin R. La paix blanche. P., 1972.
Leiris 1934 – Leiris M. L'Afrique fantôme. P., 1934.
Levi-Strauss 1955 – Levi-Strauss C. Tristes Tropiques. Plon, 1955.

Перевод с французского Е.И. Филипповой